

Элина Смагина

Поэзия 4-х стен

12+

Элина Смагина
Поэзия 4-х стен

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Смагина Э. Ю.

Поэзия 4-х стен / Э. Ю. Смагина — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Это не классический сборник стихов. Все стихотворения, которые здесь собраны, обладают индивидуальностью. Если ты любишь рифму и считаешь, что стихи тоже могут быть интересными и увлекательными, то ты обязательно найдешь здесь что-то своё! Присоединяйся к чтению!

Содержание

«Пропускаю мимо фазы...»	5
«Остывала заварка в чае...»	6
«Сидела за столом, выстукивала что-то...»	7
«По улицам города шла быстро домой...»	8
«Разрываю, исправляю, порчу...»	9
«Перехожу вплавь в злобу...»	10
Стихотворение в прозе № 1	11
В квартире	12
Наедине с собой	13
О городе	14
«Усталая-преусталая...»	15
Темнота	16
«Безразличие, терпение безгранично...»	17
«Может, кому-то, а может, о чём-то...»	18
«Пожалуй, пожалуйста, хватит попыток...»	19
«Ручкою пишутся разные фразочки...»	20
«Повороты, переулки, лестницы...»	21
«Тёмные холодные улицы...»	22
«Слезами мерились метры дорог...»	23
Несуществующее	24
«Мне хочется ответить...»	25
«Луна и Солнце разбились, сломались...»	26
«Крутятся шестерёнки у меня в голове...»	27
Во время и после	28
«Мысленно собираю компоненты...»	29
Скрипка	30
«В моей ладони остывает чай...»	31
Кто-то	32
«Слабости разные, спорить не буду...»	33
Я	34
«Я молчу, и звуков нет...»	35
Случайная встреча	36
«Подъёмы, ступени...»	37
Терпение	38
«Достаю я мозаику старую...»	39
Небо	40
«Сейчас я возьму краски...»	41
Библиотека	42
«Никого не встречая, обидеть...»	43
Собака	44
«Рифмованные строчки без рифмы...»	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

«Пропускаю мимо фазы...»

Пропускаю мимо фазы.
Пролетают мимо фразы.
Остаются в пальцах точки.
А в письме погибли строчки.
Исписываю лист за листом кряду.
Испытываю телевизор взглядом.
Монохромную простынь выстелила.
По горящей в небе луне выстрелила.
Только пуля упёрлась в стенки ствола,
Ругалась, кричала, плакала.
А потом свинцом в меня плюнула.
Я не обиделась, я тоже так думала.

«Остывала заварка в чае...»

Остывала заварка в чае.
Опускались на дно теплоходы, скучая.
Проплывали гиганты, смеялись и пели.
В трюмы вливали вёдра капли.
Смывали с причала следы и мотивы.
Тёрлись лениво о борт из крапивы.
Мяли в руках островки поворотов.
В зубах ковырялись обломками гротов.
Ловко играли, уходили, ныряли
И пепел от раковин мне отдавали.

«Сидела за столом, выстукивала что-то...»

Сидела за столом, выстукивала что-то.
Дождь тихо подражал походке бегемота.
Жирафом выгибалась лампа над столом.
И плед свернулся кошачьим клубком.
Опущенными веками кромсала память,
Пытаясь сохранить тепло, но вытекать
Оно стремилось в тонкие проёмы.
Я грела комнату своим дыханьем ровным.
Молчала улица, и не было нигде
Тех чувств, что просыпались только в сентябре.

«По улицам города шла быстро домой...»

По улицам города шла быстро домой,
Мне путь освещал холодный свет фонарей.
Старик шёл навстречу, замёрзший и злой,
Тащил по земле мешок, наверно, камней.
Холодные руки поглубже в карманы,
Паромдохнула: «Дедуль, что в мешке?»
Сплюнул старик: «Грёзы и планы.
Только место занимали в душе!
Ничего не сбылось. Что толку от них?!
Только время ушло, не вернёшь ведь его!
Я бы лучше пожил...» – он утих.
Закурил. Поташил еле-еле мешок.
Я пошла. Усмехнулась. Мечты тяготят?
Открыла горячую воду, пусть льётся.
Сколько ему? Пятьдесят? Шестьдесят?
У меня уж сейчас такой наберётся.

«Разрываю, исправляю, порчу...»

Разрываю, исправляю, порчу.
Насылаю на листы порчу.
Чтоб рвались под моим ногтем.
А сама готовлюсь быть гостем.
А сама безделушке рада.
Может, я ещё ребенок, правда.
Эта мысль не детским словом кроется.
А за ним ничего не кроется.
Слов бессмысленных целые полки.
Я дыханием открою все створки.
Стряхну пыль со звёзд на дорогу.
Пройдут по ней чьи-то босые ноги.
А я сплю, и в моём сне странном
Я считаю уютгом страны.
Я топлю корабли тканей
И пурпурных овец стаи
Отпускаю с причала в воду.
На заслуженную в снах свободу.

«Перехожу вплавь в злобу...»

Перехожу вплавь в злобу.
Переплываю вброд, чтобы
Прострелить камнем воду,
Пропустить сквозь себя скобы.
К листам себя прикрепляя,
И водою литься, литься.
Бездумные буквы опять оставляя,
Взять ручку и застрелиться.

Стихотворение в прозе № 1

Менялись луны, горели солнца.
Вода тонула в стакане. Пела.
О бортик кружки билась ложка,
Никак не могла успокоиться.
Молча посуда лежала. Спала.
Глухие удары часов метались по комнате.
Искали меня в четырёх стенах.
А я глотала огненный чай и час
Смотрела в окно, в свет фонаря,
Под которым плыли людские тени.
Свет еле теплился в моём окне.
И таял снег у меня в руке.

В квартире

Я помню, был полдень, а может, час тридцать.
И стрелки ходили друг за другом по кругу.
И мучила жажда, и хотелось напиться
Из чьей-то забытой и грязной посуды.
И двигалось время, и срывалось на басы,
Звенящие стёкла и вилки метались
По полу, ища позабытые трассы,
Которые оттуда никогда не стирались.
И звенели монеты, катаясь в ладонях.
И скрипели полы, но это неважно,
Так как больше никто не найдёт на обоях
Следы их испорченной жизни бумажной.
И чайник кипел, наполняясь парами,
И каплями пота покрывал бортик кружки.
И всё исчезало, заменяясь мечтами
В форме замёрзшей масляной стружки.
Бежали секунды, и было не слышно
Ни звука из околочухонных комнат.
И, кажется, с краской бы что-нибудь вышло.
Но те, кто живут здесь, и так это помнят.

Наедине с собой

Я сижу у окна, упершись в него головой.
У меня хорошая работа, но сегодня выходной.
У меня много друзей, но сегодня их нет.
И во всём доме сегодня выключен свет.
Получилось, что я остался с собой,
Сел у окна, упёрся в него головой.
И стало трудно дышать...
И понимать, что живой.

О городе

Асимметрия очень красива в городе,
Где дома как тетради в столе.
И мне нравится эта погода вроде бы.
А вроде я вообще не люблю апрель.
Перестукивая песни в памяти,
Напевая их глубоко внутри,
Хотелось на память о нём оставить
Что-то, а что – не могу найти.

«Усталая-преусталая...»

Усталая-преусталая,
Возвращаюсь домой я.
Возвращаюсь с надеждой,
Что не буду, как прежде, я
Самая-самая усталая.
Надеюсь на сон крепкий
Без помощи таблеток,
Без помощи снотворных,
Для ночи благотворных.
Уснуть, проспать, забыться,
Не вспомнить, что мне снится,
Не верить, что скучаю.
Когда я сплю – мечтаю.
И дайте мне скорее подушку, одеяло.
Сейчас окно закрою, темнее чтобы стало.
Закрою наконец глаза. Я сплю.
Вот так я каждый день живу.

Темнота

Очертания предметов в темноте.
Чёрное вокруг, везде.
Тенью ляжет солнце на луну.
В темноте крошечной я тону.
Рвут одежду когти тьмы,
В лёгкие пытаются пройти.
Давит темнота, и с потолка
В окнах закрывается рука.
И стекает чёрной массой со стула.
Закрывает тьма глаза мне. Я уснула.

«Безразличие, терпение безгранично...»

Безразличие, терпение безгранично.
Молчу, гляжу на людей безразлично.

Я одна в комнате. Я одна в городе.
Молчу, безразлично жмурясь в холоде.

Мозг посылал всем молчание в трубках.
Зрачок произвольно снимал всё, как губка.

Медленно кадры менялись в глазах.
Медленно скрип прорывал тормоза.

Я сидела на стуле, молчала, дремала.
Часы били полдень. Им верила и не вставала.

«**Может, кому-то, а может, о чём-то...**»

Может, кому-то, а может, о чём-то,
Рука попевала за мыслью так скоро,
Что кажется, все успеваешь, и что-то
Так тяжело и тепло дышало за шторой.
Пulsирует мысль. Да что там!
Пulsирует тысяча, выбери тут.
Ухватишь одну, а она бегемотом
Раздавит тебя, вырываясь из рук.
Лежишь, и вроде бы больше не ты.
Похож и на флаг, и на коврик для ног.
И чувствуешь телом набор высоты.
И тянет на запад, а хочешь восток.

«Пожалуй, пожалуйста, хватит попыток...»

Пожалуй, пожалуйста, хватит попыток!
Давайте умрём от мучительных пыток.
Сожрём килограммы калорий и писем.
Ногтём нацарапаем умные мысли.
Стеклом нарисуем открытые двери.
И тут же в них сами поверим.
Проверим, открылись ли новые трассы,
Сплетённые из серпантина каркасы.
Я ими украшу твоё одинокое тело...
А вообще хорошо, что тебя не задело.
Из снега мы вылепим наши флотилии,
Чтоб океаны за всё заплатили.
Пальцы впились в уставшие новости.
Закреть бы всё разом и бросить.

«Ручкою пишутся разные фразочки...»

Ручкою пишутся разные фразочки
И исчезают, как вафли из вазочки.
Не растекаются, не разрываются,
Но почему-то не вспоминаются.
Прочсть бы их снова лет через десять,
А потом на каждом столбе повесить
По одной, как знаки-указки,
Зашифровать в них подсказки.
И приведут они прямо ко мне,
Надеюсь, того, кто мне снится во сне.

«Повороты, переулки, лестницы...»

Повороты, переулки, лестницы...
В лабиринте города бесимся.
В лабиринте домиков маемся.
А найти, уйти не стараемся.

И решаем логические задачи,
Достающиеся нам на удачу.
И мечтаем оказаться отдельно
Наедине со своею Вселенной.

«Тёмные холодные улицы...»

Тёмные холодные улицы
В паутине города.
И я иду. Мне чудится:
Меняются прохожие.
И скалятся, и нравятся,
Жалеют, ненавидят.
А я иду. Без разницы.
Мне всё равно.
Они меня не видят.
А видят лишь одно,
Что прячется, скрывается,
Внутри меня что греет.
А я иду, пока песочные
Часы идут.
Потом их снова заведут.
А там всё пустые вены.
Они такие же, как снегом
Заметённые антенны.
Передают, а сами холодны.
И люди все как будто голодны.
Но это не со мной про голод.
Скорее, просто холод.

«Слезами мерились метры дорог...»

Слезами мерились метры дорог.
Пальцы грелись волнами судорог.
Из носа струйками кровь остывала.
Подруга твоя револьвер поднимала.
И, целясь в мечту, резала больно
Лёгкое, наскоро собранное,
Которое медленно кровь заполняла.
Потом через рот его оставляла.
Хотелось умыться ей, плакать.
Она не вернётся из пальчика капать
От укола иглы. Замерзать оставит
В холодной комнате. Отправит
В пол генетический код.
Я путалась здесь в лабиринте дорог.

Несуществующее

Засохшее и оледеневшее сердце.
А за ним динамитом закрытая дверца.
Смерть отражения с рваными крыльями.
Плачущий ангел отрезает напильником
Волосы. Запоминаются редкие кадры.
Пуля при входе – свинцовый подарок.
Платье порвалось, и белые нитки
Промокли от крови, налитой на плитке.

«Мне хочется ответить...»

Мне хочется ответить,
Тебя не существует.
В окно стучится ветер,
Вопит и протестует.
Как будто мир исчерпан,
Как будто нету слов.
Во сне – глазницы черепа,
В которых умерла любовь.
Никто не скажет стой.
Никто не остановит.
Ларец с душой пустой
И ничего не стоит.
В душе лучинка тлеет.
Закат свечой пылает.
Как прах, по ветру веет.
И огонек горит, не угасает.
Луна звездой становится.
Песок отсчитывает вечность.
Вода течёт, не остановится.
Боишься, может быть, осечься.
Бумагу режут ножницы.
Звучит из детства музыка.
Улыбка – кисть художницы.
И в памяти ни звука.
Дождём смывает краски.
Читаешь в лужах прозу.
С людей срывает маски,
Когда от страха слёзы.
Дарю тебе я книгу.
А в ней всего три слова.
Смущение – это видно,
А искренность – так ново.

«Луна и Солнце разбились, сломались...»

Луна и Солнце разбились, сломались.
На свалке отходов дождями смывались.
Город тонул в грязи и мраке.
От голода грызли друг друга собаки.
Смеялись часы, бешено бились,
Как будто от вечного ритма отбились.
Вешалась Скромность на углях разврата.
Совесть искала причины возврата.
Доблесть и Честь похоронены заживо.
Смертельные раны на Грубости зажили.
Ненависть выла, когтями впиваясь,
Кровью на труп души наслаждаясь.
Земля утопала в болотах хаоса.
Тупость ржала над постановкой вопроса.
Дороги с мечтами пересекались,
В кольцо голосов постепенно сливались.
С перерезанным горлом валялось Добро.
Кровь акварелью текла с губ его,
Которые Злость, возбуждаясь, лизала.
Шарфик себе из остатков вязала.
Из земли выростали петли, и вновь
Болтались в них Вера, Надежда, Любовь.

«Крутятся шестерёнки у меня в голове...»

Крутятся шестерёнки у меня в голове,
По сообщающимся сосудам плывёт человек.
У него крошечная лодка и суровый взгляд,
Но говорят, что человек тот – добряк.
Он везёт инструменты для всяческих дел:
Где что-то сломалось или шарик слетел —
Он всё быстро починит и со всем разберётся,
Не перестаю удивляться, как ему всё удастся.
Иногда его лодка преодолевает пороги
Волн позитива, водовороты тревоги,
Иногда терпит шторм, заливают дождями,
Но лодка плывёт, она крепче с годами.
Жаль, механизмы с годами ржавеют,
Лишь человек никогда не стареет.

Во время и после

Полки стреляли. Палили из пушек.
Как тысячи тысяч хлопшек.
Эхо волнами на небе каталось.
А потом разлеглось там, осталось.
Небо молчало, безразлично глядело.
Оно, как уснуло без снов, онемело.
И грохот внизу, и полки друг на друга...
А небо не знало ни братьев, ни друга.
Оно принимало лишь души погибших,
Не слышало выкриков пули осипших.
Штыки голосили. Им хотелось возврата,
Лежащего рядом молодого солдата.
Солнце зевало, прикрывалось ладонью туч,
Посылая фитилю свой огненный луч.
И смеялось, как баба, над трупами.
Облака, оглушённые трубами,
Метались и прятались, боялись и трусили.
Трава становилась острыми брусьями.
Земля затвердела: камень на камне.
А потом стервенела, загребая руками
Ещё не остывшие крепкие кости.
Кровь всё бурлила, испарялась от злости.
Позвонки отбивали дорогие мотивы.
Конь с колесницей гнался ретивый —
Апофеоз завершал свой пробег.
Зевая, стервятник летел на обед.

«Мысленно собираю компоненты...»

Мысленно собираю компоненты
Для своих нехороших действий.
Пусть загнутся все оппоненты.
Их убьют музыканты песней.

Секундные моменты не годятся.
Они исчезнут быстрее взмаха.
Подойдут те вздохи, что хранятся
В мозгу моём на месте страха.

Скрипка

Все мысли и чувства остаются
В стихах на бумаге, и только.
Порою из какой-нибудь мелочи льются.
Порою ссыхаются между ладоней.
Порою срываются гладкие фразы,
Срываются с места и падают,
Падают, падают сразу.
Кого-то печалят и радуют.
Срываются нужные звуки из голоса.
Вибрация горла и труд языка.
А струны у скрипки, как волосы.
Не сразу звучат, журчат, как река.

«В моей ладони остывает чай...»

В моей ладони остывает чай.
В моих глазах остались угли.
В моих ушах звенит трамвай.
В моих плечах застряли пули
Прикосновений.
В моих мечтах была другая.
В моё окно смотрел другой.
И я была вообще-то не такая,
И голос в трубке был не твой.
Неизвестный.
В моих часах пять новых цифр.
В моей руке зажаты мысли.
На пуговицах я читаю шифр.
Там чередуются события и числа.
Из строк и черт.

Кто-то

Идёт снег. Ветер стучится в окно.
Кто-то ушёл и не сказал ничего.
Кто-то просил оставить его одного.
Кто-то любил, но не говорил ничего.
Кто-то сидел и смотрел в окно.
Кто-то хотел посмотреть кино.
Кто-то не знал, как сказать: «Люблю».
Кто-то писал: «Я всегда тебя жду».
Кто-то не смог сказать прости.
Кто-то стоял на краю пропасти.
Кто-то хотел посмотреть вперёд.
Кто-то понял, что время не ждёт.
Кто-то не мог дорогу найти.
А кто-то уже в конце пути.

«Слабости разные, спорить не буду...»

Слабости разные, спорить не буду,
У каждого столько их, что и забуду,
Поэтому больше ни слова о них.
Я начинаю первый свой стих.
О чём – неизвестно, кому – непонятно.
А знаете, в песне есть строчки, что надо.
На случаи жизни, на любые моменты,
Упрёки, уроки и комплименты.
Выберешь песню, и легче становится,
Она для тебя – почти что любовница.
Меня, интересно, можно сравнить
С тем, кто способен за песню испить
Чашу за чашей, вино за вином...
Я не любитель такого, и в том,
Что постучалась в опухшие окна,
Виновата погода. Крючок висит сбоку,
На него бы повесить неснятые ленты,
А потом запечатать в конверты
И оставить у ног уходящего вздоха.
Нет, мне не грустно, мне плохо.

Я

Я не принимаю ответ нет.
И не играю в слова.
И не говорю свет,
Когда вокруг темнота.

Я не защищаю чужих
И никого не учу.
Всегда стараюсь найти
Только то, что ищу.

«Я молчу, и звуков нет...»

Я молчу, и звуков нет.
Есть только город, лунный свет.
Есть только город и огни,
И мы по-прежнему одни.
И ничего не надо мне,
Я зависаю в тишине.
Ты рядом. Мир затих.
Наш микрокосмос на двоих.
Мерцают за окном огни.
В руке тепло твоей руки.
Нас разделяют лишь ремни.
Но все неважно. Мы одни.
Теперь мы навсегда вдвоём.
И город, погружённый в сон.

Случайная встреча

Воздух был пропитан нежностью,
Небо отливало вечностью,
Звёзды сыпались крупинками,
Сны впечатались картинками.
Беспокойство улетало с ветром,
Карма наполнялась светом,
Все мечты приобретали форму,
Чувства превышали норму.
В памяти освобождалось место,
Воспоминаниям вдруг стало тесно,
Жизнь вокруг вдруг стала ярче,
И в груди вдруг стало жарче.

«Подъёмы, ступени...»

Подъёмы, ступени,
Взбираясь всё выше,
Находишь и веришь:
Находишь, что ищешь.

И все поднимаются.
Думают, к счастью.
А кто-то спускается
И почему-то несчастлив.

Терпение

Сейчас я нарисую последние две строчечки,
А после вдруг сотру я, останутся лишь точки...
Не допишу. Пусть парятся и думают всё заново —
Меня ведь не касается, я просто очень занята.
Копательство, искательство – себя саму ищу я,
Простое разбирательство, никак не отпущу,
Ведь поиск – дело тонкое, учтём все аргументы.
И бьют по перепонкам чужие инструменты.
Чужая музыка врывается и нарушает поиск.
И снова чаша наполняется – терпенье на исходе.

«Достаю я мозаику старую...»

Достаю я мозаику старую,
Чтобы сложить её заново.
А на кусочках – разбитые
Солнышко и облачка
И лица, давно не забытые,
Не забыла их, не смогла.
И вся картинка меняется:
Краска на ней изменяется,
Природа тускнеет,
А лица такие же.
Кто понимает,
Когда их увижу я?!
Я их храню по частям,
Сохраняю,
Как от чужих челюстей
Охраняю.
В старой коробочке,
И ленточка вьётся.
Это сердечко
Моё так бьётся.
Кровь, словно слёзки, на
Мозаику накапают.
Жаль только, каплями
Лица заляпают.

Небо

Тёмное небо висит надо мной,
А я плыву по воде.
И небо кивает мне головой,
А я киваю в ответ.
Вода утихает, уносит с собой,
Куда-то к родным берегам,
Но я не могу, я останусь с тобой.
Небо, я тебя не отдам.

Видишь, а я всё плыву,
Не отпуская руки.
Кажется, что иногда я тону,
Но меня успевают спасти.
Кто-то со мной и тащит меня
По тёплой глади воды.
Это мой друг, он спасает меня,
А я не могу, прости.

Он держит меня мёртвой хваткой своей
И тащит, боясь отпустить.
Я чувствую, что все силы морей
Не смогут меня отбить.
И вижу я: небо висит надо мной,
И качает в руках вода.
Я, улыбаясь, шепчу: «Постой,
Вот небо, его не отдам».

И скоро я чувствую берег ногой.
Песок, набираясь, молчит.
Он мог рассказать, что со мной
Есть человек, он кричит.
Кричит, но не слышно крика его —
Всё заглушает водой.
Я чувствую руку, не чувствуя ног, —
Она остаётся пустой.

Её стараюсь найти, чтобы вновь ощутить,
Что кто-то есть рядом живой.
Хотелось остаться и с небом дружить,
Чтобы ты вернулся домой.
А теперь я смотрю – стекленеют глаза,
И ты шепчешь, как по слогам:
«Я не могу, я останусь с тобой.
Небо, я тебя не отдам».

«Сейчас я возьму краски...»

Сейчас я возьму краски
И нарисую красивую сказку.
Сейчас возьму кисти
И нарисую чужое убийство.
А потом возьму нож острый
И соскоблю, что рисовала поздно.
А потом нарисую сначала,
Чтобы помнила другая, чтоб знала,
Что не есть на земле всё good,
Что хорошие книжки лгут.
Я сама напишу книгу,
Из которой всё будет видно —
Пусть не мои сомнения,
Но одиночество поколения.

Библиотека

Поверить нетрудно, увидев впервые.
Оружия нет, но есть пуля навывлет.
Отверстия нет, но есть гильза в песке.
Кровь не течёт, она свернулась в тоске.
Не было боли, и не было ревности.
Не было друга, и не было ненависти.
Было лишь поле и кубометры небес.
Только вот в силе был недовес.
Не было драки средь пшеницы и ржи.
Патроны, как слёзы, обойма из лжи.
Тысячи зёрен не слышали выстрела.
Мельница крыльями машет неистово.
Из моря колосьев – предрассветные краски.
Не было зрителей, не сброшены маски.
Пейзаж не нарушен рукой человека.
Блаженство мечтать даёт библиотека.

«Никого не встречая, обидеть...»

Никого не встречая, обидеть,
Стараться не слушать, не видеть.
Стараться вообще не дышать,
Просто гнать от себя всех, гнать.
Говорить, всех ненавидеть.
И искоса на всех смотреть,
В руках держать или вертеть.
Чужие стоны, просьб не слышать.
И если хочешь, не терпеть,
Ни от кого зависеть.

Собака

Так хочется заплакать,
И слёзы рвутся в бой.
Я чувствую собакой
Себя сторожевой.
Сижу я в будке. Грустно.
Ошейник ведь надет.
И в миске моей пусто,
Нескоро, жаль, обед.
А мимо ходят люди,
На них смотрю с тоской.
И кто-то гладит, любит,
А кто-то бьёт ногой.
А я сижу, мне грустно,
И солнца нет в груди.
Такое вот ничтожество.
Прохожий, проходи.

«Рифмованные строчки без рифмы...»

Рифмованные строчки без рифмы
Сплетают паутину красок.
И сохраняются как будто мифы,
Не стёртые на память раз хоть.
Не стёртые из дырок файлы
Стекают из колонок ноткой.
И чётких шрифтов стаи
Становятся программой кроткой.
Сбиваются в единую систему
Мои, ушедшие недавно.
Ломаются, крушатся стены.
Крушатся, строятся, и ладно.
Чернила заполняют рот,
Стекая из носу на платье —
Испачкается и сотрёт,
Испачкается и заплатит.
Нельзя срывать без причины
На то, что видишь каждый раз.
Простите, просто не случилось,
В другое время, не сейчас.
И острый звук пронзает пламя,
Что, кажется, горит в груди.
Сейчас, сейчас его узнала,
Мотив не сложный, не суди.
И длинный палец тянет волос
И вырывает сердце с корнем.
Сейчас, сейчас не беспокоюсь,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.